

Лениногорск – Зыряновск за 1 день

Рассказ Мельникова Виктора Алексеевича, моего дяди, об уникальном забеге Лениногорск – Зыряновск, совершенном автором в возрасте 40 лет, 20 июля 1978г.

Лениногорск – Зыряновск за 1 день

В эту короткую ночь я спал спокойно. Друзья, провожавшие меня, отмеряли время в соседнем номере гостиницы.

Подъем. Первая мысль о погоде. Из окон видна плотная облачность, но дождя нет. Пульс 40. Точно так и должно быть.

В результате многолетних стремлений, размышлений, сомнений, а также из-за неудачи в 1977 году следует один вывод – успех дела может быть только в этот день – 20 июля 1978 года. Сегодня совмещаются два благоприятных фактора – полнолуние, что важно, как резерв времени для продолжения бега, и полнолуние – как народная примета хорошей погоды.

Задача поставлена так: Лениногорск – Зыряновск (до пригорода) за световой день. 20 июля темнеет в 21 час, светает в 4 часа. Продолжительность дня – 17 часов. Расстояние – 140 км.

Запасной вариант – от памятника Ленина г. Лениногорска до памятника Ленина г. Зыряновска за 24 часа.

Старт в 3.30 ночи на площади им. Ленина г. Лениногорска. Бег по освещенным городским улицам длится несколько минут. Миновав трамплин на горе «Соколок», оказываюсь в темноте, лишь немного растворимой белесым лунным светом, пробивающимся сквозь облака. Но дорога, пролегающая по картофельному, а затем пшеничному полю, хорошо известна, здесь можно бежать и в абсолютной тьме.

Плавный подъем к ущелью реки Громатухи. Ночная свежесть впитывается телом. Чувство легкости, хорошей спортивной формы и необычности предстоящего пути придает резвость, которую приходится постоянно осаживать.

Бег, его процесс, всегда доставлял мне удовольствие, нередко я с сожалением заканчивал многокилометровую трассу... Сейчас я подумал: – «Вот уж сегодня я набегаюсь досыта».

Небо белеет, впереди все яснее проступают контуры горных склонов, однако вершины закрыты густыми кучевыми облаками. По моим приметам ясное утро в горах мало говорит о погоде днем – она может быть и плохой и хорошей, но уж если утром пасмурно, днем погоды не жди. Скверно.

Перед входом в ущелье оглядываюсь – хорошо виден спящий Лениногорск.

Через три четверти часа я у брода через Громатуху. На дне ущелья мертвая предутренняя тишина. Сегодня воды в реке нет, она вся отведена на нужды города. Вспоминаю, ровно год назад дождь лил в течение трех суток (тогда нарождался месяц), вода в этом месте поднялась выше пояса, видимость была не более 50 м. Пришлось вернуться.

Впереди крутой подъем. Травы, влажные от дождей и росы, в рост человека. Тропы здесь нет. Я знаю, она появится на гребне.

Врубаясь в плотную стену травостоя, и тут же принимаю холодный душ. Вначале это приятно, затем приходится делать вид, что это так. Скорость подъема обидно мала. Единственное средство увеличить ее – держаться градиента высоты.

Чем-то тревожит окружающий лес. Очевидно, это чувство от черных, в рост человека, пней. Именно так ломает здесь деревья ветер.

Появляются каменистые осыпи. Они сложены крупнокусковатыми породами, вес человека не нарушает их состояния предельного равновесия. Этот участок напоминает по крутизне и протяженности подъема на Кумбель через Мохнатую сопку (горы в Малоалматинском ущелье – прим.).

Подъем становится положе, трава ниже. Начинают проявляться признаки тропы. На гребне открывается нерадостный вид – предстоящая трасса закрыта плотной облачностью. Здесь временами удаются небольшие пробежки.

Нахожусь на границе леса. Пробегая мимо низкорослой ели, вспугнул стаю спящих куропаток, которые с шумом взлетают в полуметре от меня. Одна из них, ударившись о ветки дерева, беспомощно забила у моих ног. Поднимаю ее. Ладони рук обжигает частота ударов ее сердца. Опустив птицу в траву, продолжаю бег.

Остаются позади последние ели, затем кустарники. Высота около 2000 м. Под ногами каменистый грунт, поросший небольшой травкой. У нас, в Заилийском Ала-Тау, в таких условиях встречаются эдельвейсы.

Оставив тропу, принимаю левее и по линии одинаковых высот выхожу на хребет Проходной. Здесь направление моего пути круто меняется – я вышел на исходную позицию и беру маршрут на Юго-Восток, на Зыряновск.

На хребте меня встречает ледяной ветер с мелким дождем. Компас показывает, что ветер дует точно с Юга. Обидно. Привал 5 минут. Смена носков. Аутотренинг.

Одеваю на себя всю одежду – две хлопчатобумажные майки, шерстяную и наверх простую рубашки. Штормовки с собой нет, так как при беге в ней трудно дышать. Съедаю яблоко – лучшее средство в горах от жажды, и четыре таблетки глюкозы с

аскорбинкой. Шесть часов утра. Начинаю бег по хребту. Держусь северной его стороны, здесь слабее ветер. Трасса почти ровная с небольшими плавными подъемами. Бегу по каменистому иногда глинистому, поросшему низкой травой, грунту напрямик, без тропы. Скорость бега меняется, в среднем оцениваю ее в 12 км/час. За 5 минут – километр.

На этом участке, говорил мне Иван Васильевич, мой заочный проводник, сбиться с пути невозможно, так как хорошо виден Россыпной белок, нужно лишь держаться хребта. Я спокоен, бегу без остановки, хотя видимости практически нет. Хребет, его стержень, как мне кажется, ясно выражен.

Вижу, как впереди, метрах в 100, прямо по курсу от меня улепетывает не то волк, не то крупная лиса. Хорошо видны острые, прижатые к голове, уши. Зверек быстро скрывается за пригорком.

Через час бега облачность несколько рассеивается, и я вижу на моем пути глубокое ущелье. Этого никак не должно быть. Останавливаюсь. После минутного замешательства становится ясно, что я, скрываясь от ветра, ушел по прилегающему гребню влево, на Восток.

Приходится поворачивать назад. Мне виден хребет, где я должен быть. Бегу, выбирая по возможности короткий, с минимальным перепадом высот, путь. После быстрого и короткого спуска начинается подъем с северной стороны хребта. Здесь высокая трава и, что самое неприятное, выход родниковых вод.

Более получаса поднимаюсь по размокшей, уходящей из под ног, почве. Кроссовки полны воды. В траве укрыты большие остроугольные камни, об один из них засекаю колено. Счастлив, что не задел сустав.

Возникает чувство тревоги – график бега дал первую трещину. Потеряно 30-40 мин. времени, а на подъем – часть сил. В восемь утра выхожу на свою трассу. В течение 15-20 минут бегу по спуску. Появляется много дорог, уходящих в разные стороны. Невдалеке пасется скот, стоит пастушечий домик. На ближайших сопках видны ельники. Я нахожусь в верховьях реки Марчихи.

Несколько расходится туман и передо мной проступают контуры Россыпного белка. Становится веселее.

Не обращая внимания на дороги, бегу по невысокой траве напрямик, на белок. Почва пропитана водой, то и дело зачерпываю ее в кроссовки.

Начинается подъем. Вокруг меня редкий ельник с каменистой, чуть прикрытой травой, почвой. Бег перемежается с ходьбой. В девять часов утра кончается лес, впереди россыпи камней. Переобуваюсь, выжимая из носков воду. Тревожно

смотреть на размокшие, будто распаренные, ноги. Достая обязательное яблоко и таблетки.

Россыпной белок блестит гранями мокрых камней. Его овальная вершина кажется совсем близкой. С северной стороны белка, слева по моему ходу, виден ледник грязно-серого цвета.

Подъем все круче. Чем выше, тем крупнее камни, тем длиннее мои прыжки. Двигаюсь зигзагами – большими, чтобы выбрать по возможности пологий путь, и малыми, чтобы не тратить лишних сил на длинные прыжки.

Ближе к вершине приходится сбавить темп – громадные «сундуки», беспорядочно разбросанные на склоне, не позволяют сохранить ритм дыхания. Чувствуется, наверное, и высота. Прохожу вершину – 2317м в 9.30 утра.

Слева внизу хорошо видно зарождение реки Тишихи. Удивительно верно ее название. Каким-то чудом обнаружив в крутых отрогах равнинный участок, река в звенящей тишине тихо, так, что с высоты этого не заметно, несет свои воды. Затем, словно проснувшись, круто убегает вниз в глухие заросли Алтайской тайги. Река впадает в Громатуху, но через много километров после слияния с Громатухой о ней вспоминают названием рудника – Тишинского.

Погода резко ухудшается. Посыпалась снежная крупа, видимость по хребту, где предстоит мне идти, постоянно меняется, не превышая 100 м. Плотные массы нашпигованного влагой тумана методично ползут справа, со дна ущелья и, поднявшись наверх, с ускорением проносятся поперек моего пути.

Очень кстати в этом году было спето:

У природы нет плохой погоды,

Каждая погода благодать ...

Через несколько минут чувствую необходимость в ориентировании: гребень пересекается под различными углами с отрогами, есть опасность уйти в сторону. 10 секунд на выбор направления, и бесконечный бег.

Трасса почти ровная, лишь изредка встречаются плавные спуски и подъемы, но ожидаемой скорости развить не удастся. Было известно, что меня ждут россыпи, но я не ожидал встретить такие крупные с острыми гранями осколки пород. Можно вполне прилично бежать по камням, если их размеры не превышают 1,5-2 метра. На многометровых «сундуках», расположенных относительно друг к другу под невообразимыми углами, не разгонишься, даже если трасса идет на спуск. Тем не менее сохраняю темп рваного бега, часто приходится «спринтовать», чтобы перепрыгнуть через расселины в камнях. Это один из тех участков пути, где наиболее полно реализуется превосходство моего снаряжения перед классическим туристским: с

двадцатикилограммовым туристским рюкзаком по таким камням вряд ли можно пройти в час более двух километров. Я же совсем не чувствую на спине трехкилограммовую ношу. Сумка собственной конструкции с каркасом из дюралевого прутка и системой прижимных ремней плотно прилегает к спине и не мешает бегу и прыжкам.

Из-за плохой видимости через каждые 10-15 минут приходится обращаться к компасу и карте. Забавно, что мой школьный компас выпуска 1949 года впервые попал в работу. Несколько помогает ориентироваться открытый от облаков северный склон гряды. Внизу, под осыпями, видны небольшие озера, почти лужицы воды, из которых вытекают речушки.

Держу направление на Юго-Восток. В выемках крупных камней скопилась вода. Пью ее, она пахнет снегом. Из-за камней часто взлетают куропатки, в остальном эта каменистая гряда кажется мне безжизненной.

От бесконечных прыжков рябит в глазах. Голова постоянно занята арифметическими расчетами – компас ничего не даст, если не знаешь своего местонахождения. Поэтому ежеминутно прикидывая скорость, определяю пройденное расстояние на отрезках, суммируя их длину, нахожу пройденный путь.

В 11 часов утра я должен был увидеть прямо по своему ходу Малоульбинское водохранилище. Но ничего подобного нет. Продолжаю бег, решив, что ошибся в расчетах. Наконец, хребет, на который потрачено два часа времени, заканчивается двумя отрогами, уходящими вправо и влево. Передо мной открывается узкое, темное – не видно дна, глухое ущелье, ограниченное со всех сторон крутыми, поросшими сплошным ельником, склонами. Спускаюсь по неявно выраженной ложбине, надеясь, что озеро окажется правее. Через некоторое время открывается картина мрачнее прежней.

Перебираю все возможные варианты, которые могут объяснить данное явление, оглядываюсь в некоторой растерянности, смешанной с беспокойством. Неожиданно вижу в проталине между облаками почти за моей спиной мелькнуло зеркальце воды – водохранилище! Значит я несколько недооценил свою скорость и в тумане проскочил то место, откуда видно водохранилище, а затем оно оказалось закрытым грядой гор.

Приходится идти назад, набирая потерянную высоту. Поднимаюсь на слабо выраженный перевал. Вижу водохранилище прямо перед собой, внизу. Крутой, с километр или два, спуск по раскисшей, заросшей травой почве преодолеваю почти в падении. Выбегаю на широкую тропу. Здесь сухо и тепло, видно, что сегодня здесь дождя не было. Тропу в полукилометре от озера пересекает ручей. Время почти двенадцать. Обед.

Разуваюсь – ноги прежде всего! Насухо протираю ступни, массирую их. Чувствую, что два часа прыжков по острым камням не прошли даром. Но сотни километров, набеганных по щебенчатой дороге Аксайского ущелья (Алматинская область, прим.) что-то значат – пока на подошвах видны лишь небольшие покраснения.

Выжимаю мокрую одежду. Съедаю бутерброд с густо посоленной говядиной и печенью, яйцо, пару яблок, несколько таблеток глюкозы. Прделав массаж всех мышц ног, отпускаю себе пять минут на полный отдых. Впервые за день появляется солнце. Смотрю назад. Хребет, с которого я спустился, описывает большую дугу вправо и скрывается в плотно окутавших его темных облаках. Видно, что там, где должен находиться Россыпной белок и, далее, Лениногорск, по прежнему стоит непогода.

Сборы занимают не более пяти минут, из них почти три минуты – тщательная шнуровка кроссовок. Весь обед – полчаса.

Через несколько минут бега я у озера. Хорошо накатанная дорога повторяет форму его многочисленных заливов. Высота поверхности озера над уровнем моря 1618 м. Между прочим, уровень Медео – 1609, Иссык-Куля – 1609. На карте этот участок оценивался длиной порядка двух километров, я же бегу по петляющей дороге около часа, а это – не менее 12 км. Справа от меня вода, слева, вплотную к дороге сплошной стеной стоит лес.

На небольшом пригорке появляется фанерный домик. Приближаюсь к нему. Моя туристская практика показывает, что пастушечьи собаки дружелюбно относятся к человеку. Однако, этот крупный пес, прибежавший навстречу, горел желанием тут же разорвать меня на части. Держа его с помощью палки на расстоянии, приближаюсь к домику. Выходит парнишка лет десяти.

- Взрослые есть?

- Сейчас.

Мальчик скрылся за узкой дверью. Долго никто не появлялся. Жду, терпеливо отсчитывая секунды. Собираюсь махнуть рукой и бежать дальше, но выходит, наконец, высокий мужчина лет тридцати в черной шляпе с изогнутыми полями и черном бешмете, опоясанном добротной портупеей. Алтайский ковбой в полном наряде!

Медленно, со значимостью он оглядывает меня.

- Слушаю Вас.

Спрашиваю его, как лучше выйти к тропе на Зыряновск, где протекает река Левая Громатуха.

- Березовские. Не знаем.

Глубоко выдохнув свое извинение, продолжаю бег. Передо мной обширная горная страна. Склоны в основном покрыты лесом, но имеются и выходы скал. Просматривается много троп и в этом их недостаток, так как мне нужна одна – кратчайшая. Компас и карта показывают невероятный путь – там виден крутой скалистый склон, заканчивающийся где-то в облаках. Мучительно хочется срезать путь. Впрочем, это желание всегда сидит во мне – даже в городе я стремлюсь перейти перекресток по диагонали. Сейчас, чтобы срезать, мне кажется, нужно взять вправо, почти на Юг. Впрочем, впоследствии оказалось, что в этом направлении есть небольшой перевал, позволяющий сократить минимум час пути, минуя Левую Громатуху. Однако, сознавая серьезность своего мероприятия, выбираю длинный, но более надежный путь. Точно зная, что Левая Громатуха может быть только слева от меня, двигаюсь на Северо-Восток.

По крутой тропе, проложенной в кедровом лесу, поднимаюсь на один из холмов. Отсюда видна долина, в левом углу ее прижалась к крутому скалистому берегу речушка. Очевидно, это и есть Левая Громатуха, как бы это не противоречило компасу. Русло этой речки просматривается довольно далеко, на много километров. С сомнением в душе выбираю это направление своего пути. Лишь много позже я узнал, что компас дал в этом месте существенную ошибку из-за залежи железной руды с запасами 75 млн.т. По невысокой траве пересекаю долину по кратчайшему пути. Опять, в тысячный раз в кроссовках вода. Она не страшит сама по себе, но что будет с ногами дальше?

Два часа дня. Прыгаю через ручей шириной около двух метров. Прямо у воды плоский, в несколько квадратных метров, камень. Здесь удобно перекусить.

Разувшись, достаю еду. Обнаруживаю, что жевать говядину труднее, чем бежать. Мне известны эти первые признаки усталости – отсутствие аппетита, затруднения в жевательных и глотательных движениях. Печень жестче, но жуется она легче.

Вдруг ощущаю, что соль необходимее всего. Понятно, что соль ушла с потом. Облизываю говядину, печень. Соль так вкусна, что дрожат руки. Но лучшая пища – хлеб с солью, смоченный чистой ледяной водой! Съедаю две таблетки оротата калия – они рекомендуются для восстановления солевого баланса в сердечной мышце.

Пять минут полного отдыха. Слушаю журчание воды. Ощущаю нормальную равномерную усталость всего тела.

Через двадцать минут после остановки начинаю бег. В траве проявляется еле заметная тропа, которая вскоре приводит меня вплотную к речке.

Левая Громатуха имеет в этом месте ширину четыре-пять метров. Ложе реки напоминает длинное полукруглое корыто, вырубленное в скале. Хуже всего, что направлена река на Северо-Восток, а Зыряновск почти на Юге. Сейчас приходится бежать параллельно ему, почти в обратную сторону.

Извилистая тропа поднимается вверх между большими гладко окатанными валунами. Можно бежать. Чувствую прилив сил, появление особой мощности в беге. Объясняю это восстановлением солевого состава крови после обеда.

Зона леса кончилась быстро. Начались луга. Сильно досаждают притоки, которые сопровождаются заболоченными участками.

Прямо передо мной все внушительнее встают вершины Большого Тургусунского хребта. Не ожидал встретить на Алтае Вершины с такими многосотметровыми вертикальными стенами. Мой путь должен пролечь правее, где, если я правильно выбрал направление, находится ущелье реки Малый Тургусун.

Через час бега, временами чередующегося ходьбой и прыжками через многочисленные ручьи, Левая Громатуха вырождается в полутораметровый ручей и остается слева. Тропа становится круче, и скоро открывается широкая пустынная долина, окруженная со всех сторон горными вершинами. Пустынный вид придают долине многочисленные валуны, выходы мелкого и крупного галечника, щебня. Нет никакой растительности и на окружающих долину вершинах, лишь местами зеленеют лужайки, поросшие низкорослой травой.

По всей долине разбросаны небольшие озерца, из которых вытекают ручьи. Пересекая ручьи, все чаще наклоняюсь, пью воду. Пить хочется постоянно. Сдерживаю себя, норма – два глотка, третий с сожалением выбрасывается назад. Но даже после двух глотков немедленно выступает пот. Яблок осталось немного.

Бегу по высокогорной равнине. Высота в 1900 метров не чувствуется – дышится легко. Справедливости ради следует сказать, что скорость невелика – может быть чуть более 12 км/час.

Внимательно слежу за течением в ручьях – пока вода медленно бежит навстречу. Эта вода бежит в Громатуху, Ульбу, Иртыш. Но вот справа, обнаруживаю небольшой ручей с течением по моему ходу, на Юго-Восток. Он то мне и нужен – первый исток Малого Тургусуна, впадающего в Бухтарминское море! Уникальный водораздел – два ручья на расстоянии 20-30 м друг от друга бегут в разные стороны.

Время около 16 часов. Я отстаю от графика бега более, чем на два часа, но настроение приподнятое, мне кажется, что дело сделано, скоро появится широкая ухоженная тропа, по которой можно бежать и даже лететь на спуск.

С двух сторон все ближе приближаются к ручью скальные вершины. Долина сужается. Внизу просматривается узкое ущелье, поросшее густым лесом, справа шумит водопад. Вижу, что тропа передо мной уходит вниз. Бросаю прощальный взгляд на незабываемые вершины стального цвета, окружающие со всех сторон долину водораздела, и начинаю крутой спуск.

Тут же меня ждет разочарование: тропа густо посыпана обломками камней, остроугольным щебнем. Бег на спуске – мое главное оружие, козырь, позволяющий проходить свыше 15, до 20 км горной трассы в час. Не получается! Ступни ног горят при ударах об острые грани щебня. Двенадцать предыдущих часов пути по камням в мокрых кроссовках сделали свое дело.

Неловкими прыжками заканчиваю спуск и останавливаюсь у ручья. Разуваюсь. Мозолей, собственно, нет, но болезнен каждый квадратный сантиметр подошвы. Массирую ступни ног и подставляю их легкому ветерку. С усилием съедаю бутерброд, яблоко, таблетки глюкозы и оротата калия. Последнего у меня больше нет, так как не испытывая ранее его действия на свой организм, я ограничился тремя таблетками.

Гладко расправив носки, обуваюсь. Аккуратно и крепко зашнуровываю кроссовки – это особенно важно на спуске. Спешу, благодушное настроение улетучилось.

16.50. Тропа пролегает по лесу. Плавный спуск и мягкий грунт позволяют развить скорость бега. Ущелье постепенно расширяется. Тропа вырывается из леса и направляется к капитальному дому, расположенному в центре широкой долины, покрытой редкой, выбитой скотом, травой. Вблизи дома стоят конники. Подбегаю к ним, их человек семь. Перехожу на ходьбу. Спрашиваю:

- Далеко ли до брода через Большой Тургусун? Вопрос вызывает оживление. До брода далеко, говорят они, мы конем идем туда 5 часов.

- А с тропы я не собьюсь?

- Нет, тропа одна, сбиться невозможно.

- Ну, всего доброго.

Чувствуя за спиной недоуменные взгляды, продолжаю бег по тропе с отличным травяным покрытием. Но недолгим оказалось мое удовольствие. Тропа упирается в речку Малый Тургусун, а на другой стороне видно, как она стелется по глинистому склону, усеянному камнями.

Сняв кроссовки, перехожу речку в носках. Река имеет ширину метров восемь, воды в ней чуть выше колена. Сняв носки и отжав их, надеваю другую пару сухих носок, а наверх первые, сырые.

Тропа оказалась хуже, чем я предполагал, само ее покрытие -засохшая до состояния камня глина, обработанная копытами

телят, которые прошли по тропе во время дождя – это наждак, если его увеличить под микроскопом.

Пытаюсь тем не менее развить скорость. Меня подгоняет солнце, которое справа от меня уже пытается примоститься на крутом гребне узкого ущелья. Бег получается весьма своеобразным – тело бросает по всем направлениям: стремясь смягчить приземление, непрерывно меняю направление и длину шага. Скорости нет.

Весь смысл задуманного мероприятия – скорость на спусках. Если половина пути спуски, то я должен за 5 часов спусков пробегать со всеми остановками 70 км., а остальные 70 – за 10-12 часов. В этом основа графика, в этом неверие многих туристов в подобные переходы. Оно и понятно, бежать в течение дня или более с рюкзаком нельзя.

Но скорости нет. Интересно, что не столь страшна боль, которую вызывает удар ступни о землю, сколь болезненно щемящее предчувствие этого удара. После удара на некоторое мгновение даже наступает облегчение, но впереди – новый шаг. Выдавливаю скорость чуть более 10 км/час. Чуть-чуть успокаивает мысль, если я чувствую такую мелочь, как боль в ступнях, то есть еще силы.

Речка между тем уходит влево и теряется где-то внизу. Тропа выравнивается. Кругом чудесный первозданный кедровый лес. Громадные кедры медленно покачивают верхушками на фоне чистого синего неба. На них зреют громадные, каких я не видел, шишки. Оно понятно – отсюда до цивилизации промышленных путей нет. Вплотную к тропе травостой в рост человека, невиданное разноцветие.

17 часов. Неожиданно для меня тропа полезла вверх. Подъем беру сходу, без остановки, однако, я почувствовал первые признаки настоящей усталости. Недолгий, но крутой спуск. Передо мной речушка – мелкий, но широко разлившийся приток Малого Тургусуна – речка Татарка. Снимаю кроссовки – они подсохли, нет желания их носить. Переправляюсь. Как можно быстрее обуваюсь. Рвутся раскисшие за день новые шнурки. Использую стерильный бинт. Здесь, на дне неглубокого ущелья, кажется, что солнце уже на закате. Это действует, заставляя еще более спешить.

Не пробежал и полукилометра, вновь такая же речка. Оказывается, это второй приток Татарки. Разгоняюсь по галечнику и прыжками по камням пытаюсь перепрыгнуть речку. Удалось это только наполовину – правой ногой зачерпнул полную кроссовку воды. Вновь переобуваюсь, вспоминая всех чертей.

Осматриваюсь. Тропа уходит круто вверх и теряется из виду в глухом хвойном лесу.

Начало Татарского перевала. Давясь от спешки, съедаю кусочек печени с хлебом, яблоко, таблетки глюкозы. Запиваю тремя глотками воды. Не истратив и пяти минут на остановку, начинаю подъем.

17.40. В прошлом году мне говорили, что этот перевал труден. Но, почему-то, в этом году о Татарском перевале я всерьез не думал, очевидно, от того, что на карте он обозначен как плавный перевал. Длина его в масштабе карты порядка двух километров. Отпускаю на него с запасом полчаса. В этом случае я буду засветло на броне через Большой Тургусун.

Начинаю подъем медленным коротким энергичным шагом. Настраиваю ритмичное дыхание, после чего увеличиваю длину шага. Тропа частыми зигзагами, приклеившись к северному склону хребта, все более и более забирает на Запад, в обратную сторону. Это не поднимает моего настроения.

Уже минут через десять непрерывного подъема я ощутил, как в каждой клетке тела начинает просыпаться усталость.

Через каждые двадцать минут непрерывного подъема – минутный отдых. Ложусь, где стою, на траву. Смотрю сквозь закрытые глаза на секундную стрелку часов. Успеваю замерить пульс. 100 ударов в минуту. Нормально. Через 60 сек. – один оборот стрелки – подъем.

Густой хвойный лес, тайга, глухая тень – солнце со стороны склона. Но оно еще высоко – это видно по ярко освещенным противоположным южным склонам. Они также густо заросли, покрыты стройными елями. Глубокое, с очень крутыми склонами, ущелье Малого Тургусуна сплошь, со всех сторон, насколько хватает глаз – тайга, дерево вплотную к дереву, верхушка к верхушке. Кругом – только крутые, обрывистые склоны и сплошной хвойный лес. Мне не приходилось такого видеть, всегда на южной стороне – лысина, и только на северной – лес. Чистейший воздух позволяет видеть отдельные веточки елей с противоположного берега ущелья. О существовании реки на дне ущелья можно только догадываться, крутые берега полностью скрывают ее. Тропа тянется и тянется вверх.

В этот раз выдержал только пятнадцать минут. Черная секундная стрелка быстро описывает круг. Подъем.

18.30. Все внимание на свое самочувствие. Слушать себя – от этого сейчас зависит все. Стоит чуть перейти невидимую грань, перегнуть, и усталость скует все тело, и, главное, волю.

Тропа, по-прежнему, закаменевшее глинистое плато пыток, но на подъеме это благо. Приходит мысль, что если бы сейчас или сегодня прошел здесь дождь, у меня не нашлось бы сил по такой крутизне и раскисшей глине сделать и шагу.

В этот момент я начинаю осознавать весь авантюризм своей затеи.

Тропа, наконец, переваливает гребень и выходит на горизонтальный безлесный участок. Видно, однако, что это не главный перевал, я перешел через отрог крупного горного массива. Метров через 800 вновь начинается крутой подъем по лесу.

Время 19 часов. Все мои откорректированные графики безжалостно съедены, «плавным» перевалом, а конца ему не видно. Тропа переваливает отрог, 400-800 м лежит полого на почти ровном, врезанном в безлесный, покрытый альпийскими лугами, крутой склон, и вновь крутой подъем по заросшему высокогорным хвойным лесом участку до перевала через очередной отрог, но не хребет. И длится это, кажется, до бесконечности.

На ровных участках бегу, если можно назвать бегом замысловатые прыжки по покрытому острейшим щебнем жесткому грунту. Скорее это танцы на углях. И все же здесь лучше, чем на подъемах, которые я преодолеваю все с большим и большим трудом. Интересно, что мышцы ног в отличном состоянии – нет и малейшей болезненности, а на отдельных прыжках или длинном шаге в гору чувствуется их мощь.

Ясно другое – от недостатка гликогена не хватает питания клеткам мозга, и я воспринимаю это, как все возрастающую усталость.

Беспреданно тревожит мысль о той огромной высоте, куда я забрался в течение почти двух часов подъема. Ведь эту высоту придется сбрасывать – значит крутые спуски, и опять без ожидаемой скорости. Получается – и на подъем тяжело, и спуск пугает.

Прошло несколько минут после восьми вечера, когда я понял, что нахожусь на Татарском перевале. Он не представляет собой перевал в его классическом понятии – с седловиной. Просто тропа, и действительно плавно, подходит с одной стороны гребня и, пройдя гребень, также плавно идет в обратном направлении.

Вокруг голые каменистые осыпи, невзрачные белки – блины грязного снега.

Через 300-400 метров тропа лентой серпантина круто срывается вниз. Боль в ступнях чуть притупилась, временами появляются травянистые участки тропы. С неожиданно хорошей скоростью спускаюсь к речке Подрезной. Кроссовки сухие, не желая их мочить, переправляюсь в одной паре носок. На берегу, разглядывая ступни, обнаруживаю на них рисунок протектора кроссовок! В пути раскисли картонные прослойки, стельки и негатив протектора врезался в ступню.

В этот момент, не знаю почему этого не случилось раньше, я понял, что надо делать.

Режу на две части мягкий толстый, сухой эластичный бинт, который был у меня на случай растяжений суставов, и, сложив их много раз, получаю шикарные стельки. Надеваю пару сухих носок, и я был бы счастлив, если бы не сгущающиеся сумерки вокруг.

Но в сумерках, как я неоднократно замечал, проявляется прилив сил. Оставшиеся 40-50 минут до темноты бегу безостановочно с хорошей скоростью – 12-15 км/час. Тропа идет на спуск оптимальной для бега крутизны вблизи русла маленькой речки. Вокруг стоит, не хватает слов, чтобы передать красоту, смешанный алтайский лес.

Бег останавливает большая поляна, изрытая гусеницами бульдозеров, очевидно лесоразработки.

Поиски тропы или брода ничего не дали, лишь видна одна тропа, круто уходящая вверх, и наводящая ужас при мысли, что по ней нужно подниматься.

Вдруг я осознал, что нахожусь в полной темноте. 9.20. Луна взойдет часа через полтора. Почти наощупь двигаюсь к речке, на ее шум. По пути собираю дрова, которых здесь предостаточно.

Нахожу очень уютное место, близкое к воде и закрытое от ветра. Первое, что я делаю – пью воду без ограничения, испытывая нескончаемое блаженство.

Затем сбор веток для постели. В начале мне показалось тепло, и я решил вздремнуть без огня, закутавшись в полиэтиленовую пленку. Но быстро замерз – под пленкой образовалась вода, будто изнутри прошел дождь.

Стуча зубами, разжег костер. С противоположной стороны костра положил березовое бревно диаметром 0,3 м. Костер быстро прогорел, но поджег бревно, которое частично обгорев, медленно тлело, направляя в мою сторону сфокусированные инфракрасные лучи, которые обогревали меня на всю мою длину. И в то же время, бревно находилось на безопасном от меня расстоянии. Приложившись несколько раз к речке, я крепко уснул. (Не хочу сказать, что костер я разжигал по какой-то продуманной программе, это получилось само собой).

Меня разбудил стук копыт и разговор, послышавшийся сверху. Подъезжают конники. Их двое. Это одни из тех мужиков, у которых я спрашивал дорогу на Большой Тургусун.

Узнав меня, они были поражены:

- Ты как сюда, вертолетом доставлен?

Выясняется, что выехав после меня примерно через час или полтора они двигались без остановки. На Татарский перевал поднялись за 30 минут. Они прямо сказали, что догоняли меня, и решили, что я остался за ними, уйдя в сторону.

Надо полагать, что они меня почти достали на перевале, но лошадь плохо идет на спуск.

Я спросил мужиков, где переправа через Малый Тургусун.

- Так вот же, тут.

Оказывается, я почти лежу на тропе, которая переходит в брод, а до него 3 метра. От переправы на Малом Тургусуне до Большого Тургусуна около 0,5 км.

Пастухи хотели остаться на ночлег у моего костра, но я взмолился переправить меня через Большой Тургусун.

Кстати луна светила уже в полную силу, время – около 11 часов.

Узнав, зачем я здесь, они соглашаются. Садясь на лошадь, я получил вторую травму за время пути. Она ударила меня копытом передней ноги в другое, здоровое, колено. Но терпеть можно.

Конник я неважный, сидел на лошади, опустил поводья и отдавшись на волю судьбы.

За переправой, метрах в 50-и проходит на Зыряновск лесовозная гравийная дорога.

Поблагодарив пастухов, тут же продолжаю бег. Кстати, переправа через Большой Тургусун являлась для меня главной преградой, из-за которой я не решался на этот пробег в 1975-76 гг. На лошадей я, естественно, рассчитывать не мог. Но освоив (теоретически) способы переправ через алтайские реки с помощью шеста и расспросив подробно о переправе через Тургусун у «бывалых», в 1977 г. решился.

Начав бег довольно быстро, уже через полчаса я сильно сбавил темп, почувствовав общую усталость. А вскоре к усталости начало добавляться желание спать. Этому способствовала однообразная, хотя и романтическая обстановка в пути – в ярком лунном свете белое полотно дороги, справа блестящие отсветы от бурной большой реки, и все это в черном тоннеле окружающих, покрытых мрачным лесом, хребтов.

Остаются позади развалины Тургусунской ГЭС. Время 1.20.

Бег самопроизвольно начинает на несколько шагов переходить в ходьбу, а через каждые 20-25 минут я ложусь на 2-3 минуты.

Пробегаю по длинному селу. Дорога проходит по центру села, ширина улицы метров пять – это расстояние между домами противоположной ширины. То есть в эти метры укладываются тротуары и возможность разъезда между встречным транспортом. Кутиха. Время 2.40.

Главное – хочется спать. Бегу, выбирая ориентир, то есть до высокого дерева, столба, затем несколько шагов, снова бег. Забавно начало бега – сначала машешь руками, как при беге, но еще идешь. Затем медленно набираешь «темп».

Бегу, считая шаги. На каждую правую по 100 раз, 80, 60, 20.

Начинается асфальт. Появляются огни большого села. Парыгино. Сюда ходит городской транспорт из Зыряновска.

Время 3.30. На окраине села ложусь на живую изгородь из растущих веников и засыпаю. До первого автобуса.

Прошло 24 часа. Пройдено по подсчетам 140 км. Путь оказался длиннее и значительно сложнее, чем предполагалось. Это помешало осуществить реальное в принципе достижение – от памятника Ленина в Лениногорске до памятника Ленина в Зыряновске за 24 часа.

Мельников Виктор Алексеевич.